

МАРК ТВЕН

Жанна д'Арк

Янки при дворе короля Артура

Принц и нищий

Приключения Тома Сойера

Приключения Гекльберри Финна

С ИЛЛЮСТРАЦИЯМИ

Марк Твен

Сочинения

Один из наиболее популярных и часто цитируемых американских писателей XX века, известный сатирик и общественный деятель. Литературное наследие автора очень многогранно и разнообразно — юмористические рассказы, приключенческие истории, фантастика, публицистика и прочие жанры. Но при этом практически в каждом рассказе Марк Твен пропагандирует гуманистические взгляды и отстаивает права человека. Яркое доказательство влияния автора подтверждается словами нобелевского лауреата Эрнеста Хемингуэя, который считал, что современная американская литература основана на книге «Приключения Гекльберри Финна». Несмотря на то, что творчество писателя прежде всего ассоциируют с детской литературой, купить книги Марка Твена стоит для читателей любого возраста и пола — каждый сможет найти в них что-то для себя.

Содержание:

1. Жанна д'Арк
2. Янки при дворе короля Артура
3. Принц и нищий (Перевод: Иероним Ясинский)
4. Приключения Тома Сойера (Перевод: Михаил Энгельгардт)
5. Приключения Гекльберри Финна (Перевод: Михаил Энгельгардт)

Оглавление

[Жанна д'Арк](#)

[Предисловие английского переводчика \[1\]](#)

[Особенность истории Жанны д'Арк](#)

[Книга первая В Домреми](#)

[ГлаваI](#)

[ГлаваII](#)

[ГлаваIII](#)

[ГлаваIV](#)

[ГлаваV](#)

[ГлаваVI](#)

[ГлаваVII](#)

[ГлаваVIII](#)

[Книга вторая При дворе и в стане](#)

[ГлаваI](#)

[ГлаваII](#)

[ГлаваIII](#)

[ГлаваIV](#)

[ГлаваV](#)

[ГлаваVI](#)

[ГлаваVII](#)

[ГлаваVIII](#)

[ГлаваIX](#)

[ГлаваX](#)

[ГлаваXI](#)

[ГлаваXII](#)

[ГлаваXIII](#)

[ГлаваXIV](#)

[ГлаваXV](#)

[ГлаваXVI](#)

[ГлаваXVII](#)

[ГлаваXVIII](#)

[ГлаваXIX](#)

[ГлаваXX](#)

[ГлаваXXI](#)

[ГлаваXXII](#)

[ГлаваXXIII](#)

[ГлаваXXIV](#)

[ГлаваXXV](#)

[ГлаваXXVI](#)

[ГлаваXXVII](#)

[ГлаваXXVIII](#)

[ГлаваXXIX](#)

[ГлаваXXX](#)

[ГлаваXXXI](#)

[ГлаваXXXII](#)

[ГлаваXXXIII](#)

[ГлаваXXXIV](#)

[ГлаваXXXV](#)

[ГлаваXXXVI](#)

[ГлаваXXXVII](#)

[ГлаваXXXVIII](#)

[ГлаваXXXIX](#)

[ГлаваXL](#)

[ГлаваXLI](#)

[Книга третья Суд и мученичество](#)

[ГлаваI](#)

[ГлаваII](#)

[ГлаваIII](#)

[ГлаваIV](#)

[ГлаваV](#)

[ГлаваVI](#)

[ГлаваVII](#)

[ГлаваVIII](#)

[ГлаваIX](#)

[ГлаваX](#)

[ГлаваXI](#)

[ГлаваXII](#)

[ГлаваXIII](#)

[ГлаваXIV](#)
[ГлаваXV](#)
[ГлаваXVI](#)
[ГлаваXVII](#)
[ГлаваXVIII](#)
[ГлаваXIX](#)
[ГлаваXX](#)
[ГлаваXXI](#)
[ГлаваXXII](#)
[ГлаваXXIII](#)

[Заключение](#)

[Янки при дворе короля Артура](#)

[I. Несколько объяснений](#)

[II. Двор короля Артура](#)

[III. Рыцари Круглого Стола](#)

[IV. Сэр Динадан Шутник](#)

[V. Вдохновение](#)

[VI. Затмение](#)

[VII. Башня Мерлина](#)

[VIII. Турнир](#)

[IX. Начало цивилизации](#)

[X. Янки в поисках за приключениями](#)

[XI. Медленная пытка](#)

[XII. Свободные люди](#)

[XIII. «Защищайся, лорд!»](#)

[XIV. Рассказ Сэнди](#)

[XV. Морган ле-Фей](#)

[XVI. Придворный бал](#)

[XVII. Подземелья королевы](#)

[XVIII. Странствование рыцарей как промысел](#)

[XIX. Замок чудовищ](#)

[XX. Пилигримы](#)

[XXI. Священный источник](#)

[XXII. Восстановление источника](#)

[XXIII. Маг-соперник](#)

[XXIV. Конкурсный экзамен](#)

XXV. Первая газета

XXVI. Янки и король путешествуют переодетые

XXVII. Обучение короля

XXVIII. Дом, зараженный оспой

XXIX. Трагедия в господской усадьбе

XXX. Марко

XXXI. Унижение Доулея

XXXII. Политическая экономия шестого века

XXXIII. Янки и король проданы в рабство

XXXIV. Раздирающее душу происшествие

XXXV. Столкновение в темноте

XXXVI. Ужасное положение

XXXVII. Сэр Лаунселот и рыцари выручают

XXXVIII. Янки сражается с рыцарями

XXXIX. Через три года

XL. Отлучение от церкви

XLI. Война

XLII. Битва на песчаной полосе

XLIII. Постскриптум Кларенса

Окончательный постскриптум М. Т

Принц и нищий

Предисловие автора

Глава I Рождение принца и нищего

Глава II Детство Тома

Глава III Том встречает принца

Глава IV Начало бедствий принца

Глава V Том в роли принца

Глава VI Том получает инструкции

Глава VII Обед Тома в роли принца

Глава VIII Государственная печать

Глава IX Праздник на реке

Глава X Принц в беде

Глава XI В ратуше

Глава XII Принц и его избавитель

Глава XIII Исчезновение принца

Глава XIV Le Roi est mort, vive le Roi!

[Глава XV Том-король](#)
[Глава XVI Парадный обед](#)
[Глава XVII Король Фу-Фу Первый](#)
[Глава XVIII Король у бродяг](#)
[Глава XIX Король у крестьян](#)
[Глава XX Король и пустынный](#)
[Глава XXI Гендон идет выручать](#)
[Глава XXII Жертва вероломства](#)
[Глава XXIII Король арестован](#)
[Глава XXIV Побег](#)
[Глава XXV Гендон-Голл](#)
[Глава XXVI Не признан](#)
[Глава XXVII В тюрьме](#)
[Глава XXVIII Жертва](#)
[Глава XXIX В Лондон](#)
[Глава XXX Успехи Тома](#)
[Глава XXXI Коронационное шествие](#)
[Глава XXXII Коронация](#)
[Глава XXXIII Эдуард — король](#)
[Заключение Правосудие и возмездие](#)
[Приключения Тома Сойера](#)
[Предисловие автора](#)
[Глава I](#)
[Глава II](#)
[Глава III](#)
[Глава IV](#)
[Глава V](#)
[Глава VI](#)
[Глава VII](#)
[Глава VIII](#)
[Глава IX](#)
[Глава X](#)
[Глава XI](#)
[Глава XII](#)
[Глава XIII](#)
[Глава XIV](#)

[Глава XV](#)
[Глава XVI](#)
[Глава XVII](#)
[Глава XVIII](#)
[Глава XIX](#)
[Глава XX](#)
[Глава XXI](#)
[Глава XXII](#)
[Глава XXIII](#)
[Глава XXIV](#)
[Глава XXV](#)
[Глава XXVI](#)
[Глава XXVII](#)
[Глава XXVIII](#)
[Глава XXIX](#)
[Глава XXX](#)
[Глава XXXI](#)
[Глава XXXII](#)
[Глава XXXIII](#)
[Глава XXXIV](#)
[Глава XXXV](#)
[Заключение](#)

[Приключения Гекльберри Финна](#)

[Предостережение](#)

[Глава I](#)
[Глава II](#)
[Глава III](#)
[Глава IV](#)
[Глава V](#)
[Глава VI](#)
[Глава VII](#)
[Глава VIII](#)
[Глава IX](#)
[Глава X](#)
[Глава XI](#)
[Глава XII](#)

[Глава XIII](#)
[Глава XIV](#)
[Глава XV](#)
[Глава XVI](#)
[Глава XVII](#)
[Глава XVIII](#)
[Глава XIX](#)
[Глава XX](#)
[Глава XXI](#)
[Глава XXII](#)
[Глава XXIII](#)
[Глава XXIV](#)
[Глава XXV](#)
[Глава XXVI](#)
[Глава XXVII](#)
[Глава XXVIII](#)
[Глава XXIX](#)
[Глава XXX](#)
[Глава XXXI](#)
[Глава XXXII](#)
[Глава XXXIII](#)
[Глава XXXIV](#)
[Глава XXXV](#)
[Глава XXXVI](#)
[Глава XXXVII](#)
[Глава XXXVIII](#)
[Глава XXXIX](#)
[Глава XL](#)
[Глава XLI](#)
[Глава XLII](#)
[Глава XLIII](#)

Жанна д'Арк

Личные воспоминания сьера Луи де Конта (ее оруженосца и писца), переведенные Жаном Франсуа Альденом на английский язык с оригинального неизданного манускрипта, хранящегося в национальном архиве Франции

Personal Recollections of Joanof Arc (1896)

Примите во внимание это беспримерное и знаменательное отличие: с тех пор, как начали записывать историю человечества, из всех людей, мужчин и женщин, одной лишь Жанне д'Арк в семнадцать лет было вверено верховное командование войсками народа.

Лайош Кошут

Правдивость предлагаемого рассказа проверена по следующим авторитетным источникам:

J. E. J. Quicherat. Condamnation et Rehabilitation de Jeanne d'Arc.

J. Fabre. Proces de condamnation et Jeanne d'Arc.

H. A. Wallon. Jeanne d'Arc.

M. Sepet. Jeanne d'Arc.

J. Michelet. Jeanne d'Arc.

Berriat de Saint-Prix. La famili de Jeanne d'Arc.

La Comtesse A. de Chabannes. La Vierge Lorraine.

Monseigneur Ricard. Jeanne d'Arc la Venerablel.

Lord Ronald Giwer. Joan of Arc.

John O'Hagan. Joan of Arc.

Janet Tuckey. Joan of Arc the Maid.

Предисловие английского переводчика^[1]

Дать справедливую оценку знаменитой личности можно лишь в том случае, если мы воспользуемся мерками ее эпохи, а не нашей. Опьяненные мерилom какого-нибудь столетия, благороднейшие умы более ранней эпохи теряют впоследствии немалую долю своего блеска; примените мерки наших дней, и вы, быть может, не найдете на протяжении четырех или пяти последних веков ни одного знаменитого человека, слава которого оказалась бы всецело неуязвимой. Но личность Жанны д'Арк уникальна. Ее можно оценивать мерками всех времен, без предчувствия или боязни, что выводы будут разноречивы. Пусть ее судят согласно любым воззрениям, пусть ее судят согласно воззрениям всех поколений: душа ее по-прежнему будет кристально чиста, идеально совершенна; образ ее по-прежнему занимает высочайшее место, которое только может быть достигнуто человеком.

Зная, что ее век был самым зверским, гнусным, преступным веком, какого история не знавала с древнейших времен, мы безмерно дивимся чуду подобного всхода на подобной почве. Жанна непохожа на своих современников, как день не походит на ночь. Она оставалась правдивой, когда ложь стала нормой жизни; она была честна, когда честность сделалась утраченной добродетелью; она была верна своему слову, когда ни от кого нельзя было ждать исполнения обещаний; свой великий ум она посвятила великим мыслям и великим целям в то самое время, когда другие великие умы бесплодно увлекались красивыми фантазиями или пустым тщеславием; она была скромна, утонченна, деликатна, когда крикливость и грубость отличали почти всех; она была преисполнена

сострадания, когда бессердечная жестокость являлась общим правилом; она была непоколебима, когда стойкостью не обладал никто, и — душевно благородна, когда все уже забыли, что значит благородство души; она была твердыней веры в то время, когда не верили ни во что и насмехались надо всем; она была безупречно искренна среди всепроникавшего лицемерия; среди царства лести и пресмыкания она сохранила неприкосновенным свое личное достоинство; она была олицетворением неустрашимого мужества в те дни, когда надежда и смелость иссякли в сердцах ее народа; она была белоснежно чиста душой и телом в то самое время, когда высшие сословия страны погрязли в грехе телесно и духовно. Такова была она в тот век, когда преступление было привычным делом вельмож и принцев и когда высшие сановники христианства способны были поразить ужасом даже своих греховных современников и внушить им омерзение картиной своей лютой жизни, позорно протекавшей среди беспримерных жестокостей, низменностей и предательств.

Из всех имен, нашедших место в истории, быть может, только ее имя окружено ореолом полного бескорыстия. Ни следа, ни намек на себялюбие нельзя найти ни в едином ее слове или поступке. Она вернула своего короля из скитаний, возложила ему на голову королевский венец, за что ей были предложены награды и почести, но она от всего отказалась. Единственное, что она готова была принять, будь на то соизволение короля, это — разрешение вернуться в свою деревню, где она опять могла бы пасти стадо овец, где она могла бы снова почувствовать объятия матери и служить ей помощницей по хозяйству. Дальше этого не шло себялюбие неподкупного полководца победоносных войск, соратника принцев, кумира восторженного и благородного народа.

Подвиг Жанны д'Арк можно смело поставить рядом с величайшими деяниями, занесенными в анналы истории, если вспомнить, при каких условиях она его предприняла, сколько преград было на ее пути и какими средствами она располагала. Цезарь — великий завоеватель, но в его распоряжении были испытанные и закаленные римские ветераны, и он сам был опытный воин; Наполеон обращал в бегство дисциплинированные войска европейских держав, но он тоже был опытный воин, и притом батальоны его сподвижников состояли из патриотов, воодушевленных и воспламененных чудодейственным дыханием Свободы, навеянным революцией, — то были полные сил, способные ученики военного дела, а не дряхлые деморализованные и усталые солдаты, угрюмо пережившие вековое нагромождение однообразных поражений. Но Жанна д'Арк, почти дитя, невежественная, неграмотная, простая деревенская девушка, никому не известная и не имевшая влияния, застала великий народ лежащим в цепях, застала народ, уже не ждавший помощи, не имевший надежды, угнетенный чужеземным владычеством; казна была пуста; войска пали духом, разбрелись кто куда; после долгих лет чужеземного и отечественного угнетения и произвола исчезло всякое воодушевление, угасла смелость в сердце народа; король был лишен воли, покорился своей судьбе, готовился к бегству. И Жанна возложила руку на этот народ, на этот труп — и он воспрял и пошел за ней. Она повела его от победы к победе, она обратила вспять поток Столетней войны, она надломила британскую мощь и умерла с заслуженным именем Освободительницы Франции — именем, которое остается за ней и поныне.

И в награду за все французский король, на которого она возложила венец, неподвижно и безучастно стоял в стороне в то время, как французские попы потащили в

тюрьму это благородное, самое невинное, самое милое, наиболее достойное обожания дитя человеческое и — сожгли ее живой на костре.

Особенность истории Жанны д'Арк

(Примечание английского переводчика)

Подробности жизни Жанны д'Арк в своей совокупности составляют биографию, которая стоит особняком среди всех биографий мира, потому что это единственное жизнеописание, дошедшее до нас под присягой, единственное, которое дошло до нас со свидетельской скамьи. Официальные отчеты Великого суда 1431 года и происходившего четверть века спустя Суда Восстановления хранятся и доныне в Национальном архиве Франции, и в них с замечательной полнотой изложены события ее жизни. Ни одно из остальных жизнеописаний той отдаленной эпохи не отличается такой всесторонностью и достоверностью.

Сьер Луи де Конт в своих личных воспоминаниях «не расходится» с правительственными отчетами, и, по крайней мере, в этом отношении его правдивость не подлежит сомнению; что же касается множества сообщаемых им других подробностей, то здесь остается лишь поверить ему на слово.

СЬЕР ЛУИ ДЕ КОНТ СВОИМ ВНУЧАТЫМ ПЛЕМЯННИКАМ И ПЛЕМЯННИЦАМ

Ныне 1492 год. Мне восемьдесят два года. События, о которых я собираюсь вам рассказать, произошли на моих глазах в моем детстве и в моей юности.

Во всех песнях, жизнеописаниях и сказаниях о Жанне д'Арк, которые вы и весь остальной мир поете, изучаете и читаете, знакомясь с ними по книгам, тисненным новым, придуманным недавно способом книгопечатания, — во всех этих песнях и книгах упоминается обо мне, сьере Луи де Конте. Я — ее

бывший оруженосец и писец. Я сопровождал ее от начала и до конца.

Я воспитывался в той же деревне, где и она. Когда мы оба были маленькими детьми, я играл с ней каждый божий день, как вы играете со своими сверстниками. Теперь, когда мы узнали, как велика была ее душа, теперь, когда слава ее имени распространилась по всему миру, как-то не верится, чтобы мои слова были правдой; это все равно, как если бы недолговечная, тонкая свеча заговорила о неугасимом солнце, озаряющем небеса, и сказала: «Оно было моим собеседником и сотоварищем, когда было еще свечкой, как я».

А между тем я сказал истинную правду. Я был товарищем ее забав, и я сражался рядом с ней в бою; до глубокой старости я сохранил ясный и нежный образ этого дорогого, хрупкого создания: вот она, припав грудью к шее коня, во главе французских войск несется на врага; ее волосы развеваются по ветру, ее блестящие латы неустрашимо врезаются все глубже и глубже в середину самой жаркой битвы и порой почти утопают в море мелькающих конских голов, почти скрываются за лесом воздетых мечей, треплемых ветром султанов и отражающих удары щитов! Я был с ней рядом до конца; и когда наступил тот черный день, который навсегда ляжет мрачным обвинением на имена ее убийц, одетых в церковные мантии французских рабов Англии, и на имя самой Франции, праздно стоявшей в стороне и ничего не сделавшей для спасения мученицы, — когда наступил тот день, то я получил последнее прикосновение ее руки.

Годы и десятилетия мчались мимо, и зрелище лучезарного полета славной Девы, осветившей, как метеор, боевой небосвод Франции и угасшей в дыму костра, все глубже и глубже отступало в даль минувшего, становясь с каждым годом более

загадочным, Божественным и трогательным чудом; и мало-помалу я научился понимать и ценить ее по заслугам — как благороднейшую человеческую жизнь, подобную лишь Одной, посетившей наш мир.

Книга первая

В Домреми

Глава I

Я сьер Луи де Конт, родился в Невшато 6 января 1410 года, то есть как раз за два года до появления на свет Жанны д'Арк в Домреми. Мои родные еще в первых годах столетия, покинув окрестности Парижа, укрылись в этом захолустье. По политическим воззрениям они были арманьяки — патриоты; они стояли за то, чтобы у нас был свой, французский, король, не взирая на все его слабоумие и беспомощность. Бургундская партия, стоявшая за английскую династию, обобрала нас дочиста. У отца отняли все, кроме его захудалого дворянства, и в Невшато он добрался уже нищим и с разбитыми надеждами. Но политический настрой на новых местах пришелся ему по вкусу — хоть одно утешение. Он попал в область сравнительного спокойствия; а позади осталась область, населенная фуриями, безумцами, демонами; там убийство было ежедневной забавой, и жизнь человека ни на минуту не была вне опасности. В Париже чернь по ночам безумствовала на улицах, грабя, поджигая, убивая, и никто не вмешивался в это, не запрещал. Солнце всходило над разгромленными и дымящимися домами и над изуродованными трупами, которые лежали повсюду среди улиц — лежали там, где упали в минуту смерти, донага обобранные хищниками, нечестивыми прихлебателями черни. Никто не осмеливался подбирать мертвецов и предавать их земле; они продолжали лежать там, разлагаясь и создавая заразу.

И зараза явилась. Словно мухи, люди погибали от моровой язвы; погребали покойников под покровом ночи и тайны, потому что запрещено было хоронить при народе, дабы раскрытием размеров чумы не посеять ужаса и отчаяния среди населения. А в завершение

всего наступила такая суровая зима, какой Париж не знал за последние пять веков. Голод, мор, убийства, лед, снег — все сразу низринулось на Париж. Мертвецы горами лежали на улицах, а волки среди бела дня рыскали по городу и пожирали трупы.

Франция пала, о, как низко она пала! Уже больше трех четвертей столетия прошло с тех пор, как когти англичан вонзились в ее тело, и войска ее так присмирели от беспрестанных поражений и кровопролитных потерь, что недалеко от правды было ходячее мнение, будто один вид англичан способен обратить в бегство французское войско.

Мне было пять лет, когда на Францию обрушилась страшная трагедия Азенкура; английский король вернулся к себе, чтобы отпраздновать победу, а обессиленная страна была предоставлена как добыча хищным шайкам «вольных дружин», находившимся на службе бургундской партии. Однажды ночью такая шайка совершила набег и на наш Невшато. При свете огня, охватившего наши соломенные крыши, я видел, как всех, кто был мне дорог на этом свете, убивали, не взирая на их мольбы о пощаде. В живых остался только мой старший брат, ваш предок: он находился тогда при дворе. Я слышал, как эти головорезы смеялись над их мольбами и передразнивали их просьбы о милосердии. Меня не заметили, и я остался невредим. Когда ушли кровожадные звери, я выполз из своего убежища и проплакал всю ночь, глядя на пылавшие дома; я был совершенно один, кругом меня находились лишь мертвые да раненые. Все разбежались, попрятались.

Меня отослали в Домреми, к священнику; его ключница заменила мне нежную мать. Священник мало-помалу научил меня грамоте и письму, и мы с ним были единственными обитателями деревни, умевшими читать и писать.

К тому времени, как я нашел отчий приют в доме этого доброго патера, Гильома Фронта, мне было лет шесть. Мы жили как раз подле сельской церкви, а небольшой садик родителей Жанны находился позади нее. Семейство их состояло из Жака д'Арк, отца; его жены Изабеллы Ромэ; троих сыновей: Жака — десяти лет, Пьера — восьми и Жана — семи; Жанне тогда было четыре года, а ее сестренке Катерине — около одного. У меня были и другие сверстники, в особенности четыре мальчика: Пьер Морель, Этьен Роз, Ноэль Рэнгесон и Эдмонд Обрэ, отец которого был тогда сельским мэром; были еще две девочки, почти однолетки с Жанной, мало-помалу сделавшиеся ее закадычными приятельницами: одну звали Ометтой, другую — маленькой Менжеттой. Девочки эти принадлежали к простым крестьянским семьям, как и сама Жанна. Впоследствии они обе вышли замуж за простых крестьян. Как видите, происхождения они были не бог весть какого; и однако много лет спустя наступило время, когда каждый путешественник, как знатен он ни был, считал своим долгом зайти, при проезде через наше село, к двум смиренным старушкам, которым в юности выпала честь быть подругами Жанны, и заплатить им дань уважения.

Все это были славные дети, обыкновенные дети крестьян. Конечно, ума не блестящего — вы этого и не стали бы от них требовать, — но добродушные и хорошие товарищи, с послушанием относившиеся и к родителям, и к священнику. Подрастая, они все больше и больше набирались узких понятий и предрассудков, заимствованных через третьи руки от старших и воспринятых без колебаний — как само собой разумеющееся. Религия передалась им по наследству, как и политические воззрения. Пусть себе Ян Гус и его присные заявляют о своем недовольстве Церковью — Дом-реми, как и прежде, будет верить по старинке. Мне

было четырнадцать лет, когда наступил раскол, и у нас оказалось сразу трое Пап; но в Домреми никто не колебался, на ком из них остановить свой выбор: Папа, находящийся в Риме, — настоящий, а Папа вне Рима — вовсе не Папа. Все обитатели деревни, до последнего человека, были арманья-ки — патриоты; и если мы, дети, ни к чему другому не питали ненависти, то уж бургундцев и англичан ненавидели горячо.

Глава II

Наш Домреми ничем не отличался от любой серенькой деревушки той отдаленной поры. То была сеть кривых, узких проездов и проходов, где царила тень от нависших соломенных крыш убогих домов, похожих на амбары. В дома проникал скудный свет через окна с деревянными ставнями, то есть через дыры в стенах, служивших вместо окон. Полы были земляные, обстановка жилищ отличалась крайней бедностью. Овцеводство да рогатый скот были главным промыслом; вся молодежь была в пастухах.

Местоположение было очаровательно. Сбоку деревни, от самой околицы, широким полукругом раскинулся цветущий луг, подходя к берегу реки Мезы; а позади села постепенно возвышался поросший травой скат, на вершине которого был большой дубовый лес — глубокий, сумрачный, дремучий и несказанно заманчивый для нас, детей, потому что в старину не один путник погиб там от руки разбойника, а еще раньше того были там логовища огромных драконов, которые извергали из ноздрей пламя и смертоносные пары. По правде сказать, один из них еще ютился в лесу и в наши дни. Он был длиною с дерево, тело его в обхвате было как бочка, чешуя — словно огромные черепицы, глубокие кровавые глаза — величиной со шляпу всадника, а раздвоенный, с крючками, точно у якоря, хвост так велик, как уж не знаю что, только величины необычайной даже для дракона, как говорили все знавшие в драконах толк. Предполагали, что дракон этот — ярко-синего цвета с золотыми крапинами, но никто его не видал, а потому нельзя было сказать этого с уверенностью; то было лишь устоявшееся предположение. Я мнения этого не разделял; по-моему,

какой смысл создавать то или иное мнение, если не на чем его основать? Сделайте человека без костей; на вид-то он, пожалуй, будет хорош, однако он будет гнуться и не сможет устоять на ногах; и мне думается, что доказательство это — остов всякого мнения. Что касается дракона, то я всегда был уверен, что он был сплошь золотого цвета, без всякой синевы, ибо такова всегда была окраска драконов. Одно время дракон укрывался где-то совсем недалеко от опушки леса; подтверждением чего служит то обстоятельство, что Пьер Морель однажды пошел туда и, услышав запах, сразу узнал по нему дракона. Жутко становится при мысли, что иной раз мы, сами того не зная, находимся в двух шагах от смертельной опасности.

Будь это в стародавние времена, человек сто рыцарей отправились бы туда из далеких стран, чтобы по очереди попытаться убить его и покрыть свое имя славой, но в наше время этот способ перестал применяться; теперь с драконами воюют священники. И отец Гильом взял на себя этот труд. Он устроил процессию со свечами, ладаном и хоругвями, и обошел опушку леса, и изгнал дракона, и после того никто о нем ничего не слышал, хотя, по мнению многих, запах так полностью и не улетучился. Не то чтобы кто-либо замечал этот запах — вовсе нет; это опять-таки было лишь частное мнение, и тоже — мнение без костей, как видите. Я знаю точно, что чудовище было там до процедуры изгнания; а осталось ли оно и после — этого я утверждать не берусь.

На возвышенности, ближе к Вокулеру, была красивая открытая равнина, устланная ковром зеленой травы; там стоял величавый бук, широко раскинувший ветви и защищая своей могучей тенью прозрачную струю холодного родника; и летними днями дети отправлялись туда — каждый летний день на протяжении пяти столетий! И пели и плясали вокруг

дерева по несколько часов подряд, утоляя жажду ключевой водой. Как это было хорошо и весело! Они сплетали гирлянды цветов, вешая их на дерево и вокруг родника, чтобы порадовать живших там фей; а тем это нравилось, потому что все феи — невинные и праздные маленькие существа, любящие все нежное и красивое, вроде сплетенных в гирлянды диких цветов. И в благодарность за эти знаки внимания феи старались сделать для детей все, что было в их силах; они, например, заботились, чтобы источник всегда был чист, прохладен и обилен водой; они прогоняли змей и насекомых, которые жалят. И таким образом, на протяжении более пятисот лет (а по преданию — целое тысячелетие) между феями и детьми существовали самые дружественные, обоюдно доверчивые отношения, не омрачавшиеся никакими ссорами. Если кто-нибудь из детей умирал, то феи грустили о нем не меньше сверстников, и вот доказательство: перед рассветом, в день похорон, они вешали маленький венок из иммортелей над тем местом под деревом, где обыкновенно сидел умерший ребенок. Я убедился в этом воочию, не понаслышке. И вот почему все знали, что венок принесен феями: он весь состоял из черных цветов, каких во Франции нигде не встретишь.

И вот с незапамятных времен все дети, подраставшие в Домреми, назывались «детьми Древа»; и они любили это прозвище, потому что в нем заключалось какое-то таинственное преимущество, не дарованное остальным детям. А преимущество заключалось вот в чем: лишь только приближался для кого-нибудь из них час смерти, как среди смутных образов, теснившихся перед их угасающим взором, вставало прекрасным и нежным видением дерево во всей роскоши своего наряда, если совесть умирающего была спокойна. Так говорили одни. Другие говорили, что явление бывает дважды: сначала как

предостережение, за год или за два до смерти, когда душа еще находится во власти греха; и при этом дерево будто бы предстает с оголенными ветвями, словно среди зимы, а душу охватывает непреодолимый страх. Если наступает раскаяние и человек переходит к непорочной жизни, то видение является вторично, и на этот раз — в красоте летнего убора. Но оно не повторяется для души нераскаянной, и она переселяется в иной мир, заранее зная свою участь. А третьи говорили, что видение бывает только один раз, являясь лишь безгрешным, которые умирают на далекой чужбине и тоскливо жаждут какого-нибудь последнего милого напоминания о своей отчизне. И какое напоминание может быть так же дорого их сердцу, как образ дерева, которое было баловнем их любви, товарищем их забав, утешителем их маленьких горестей во все божественные дни улетевшей юности?

Итак, на этот счет были разные предания, одни верили первому, другие — другому. Одно из них — а именно последнее — я признаю истинным. Я ничего не возражаю против остальных; я думаю, что и они верны, но про истинность последнего я знаю; и я нахожу, что если всякий будет придерживаться лишь того, что ему известно, не затрагивая вопросов, недостаточно ему доступных, то он приобретет большую устойчивость понятий, а в этом польза. Я знаю, что если «дети Древа» умирают в дальних странах и если они вели праведную жизнь, то, обратив тоскующий взор к своей родине, они видят как бы сквозь разорванную тучу, затемнявшую небеса, сияющий вдалеке ласковый образ Древа Фей, дремлющий в ореоле золотого света; и они видят цветущий луг, скатом идущий к реке, и до их угасающего обоняния доносится слабый и отрадный аромат цветов отчизны. И затем видение бледнеет, исчезает... но они знают, они знают! А по их преображенному лику и вы, стоя у смертного ложа,

знаете; да, вы знаете, какая весть пришла сейчас, вы знаете, что весть эта ниспослана Небом.

Жанна и я — мы оба верили в это. Но Пьер Морель, Жак д'Арк и многие другие были уверены, что видение является дважды — грешникам. В самом деле, они и многие другие говорили, что точно знают это. Вероятно, их родители знали это и сообщили им: ведь в нашем мире познания приобретаются по большей части не из первых рук.

Вот одно обстоятельство, благодаря которому можно поверить, что действительно Древо являлось дважды: с самых незапамятных времен, если замечали кого-нибудь из наших односельчан с побледневшим и помертвевшим от страха лицом, то соседи начинали перешептываться: «А, он осознал свои грехи, он получил предостережение!» И сосед содрогался от ужаса и отвечал шепотом: «Да, бедняга, он увидел Древо».

Подобные доказательства имеют все: их нельзя устранить мановением руки. То, что находит подтверждение в неизменности опыта на протяжении веков, естественным образом приобретает все большую и большую устойчивость; и если так будет продолжаться да продолжаться, то в конце концов подобное мнение сделается неоспоримым — и уж это будет крепкая скала, которую не сдвинешь.

За свою долгую жизнь я наблюдал несколько случаев, когда Древо являлось вестницей смерти, которая была еще далеко; но ни один из умиравших не был во власти греха.

Нет, видение в этих случаях было лишь знамением особой милости; вместо того чтобы приберечь весть о спасении души до часа смерти, оно приносило эту весть задолго до того, а вместе с нею дарило спокойствие, которое уже не могло быть нарушено, — спокойствие души, навеки примиренной с Богом. Теперь уже я сам,

хилый старик, жду с просветленной душой, ибо мне послано было видение Древа. Я видел его, я счастлив.

С незапамятных времен дети, кружась хороводом вокруг Древа Фей, пели всегда одну и ту же песню Древа, песню l'Arbre Fee de Bourlemont Бурлемонское Древо Фей(*фр.*).. В этой песне звучала тихая грациозная мелодия, та отрадная и нежная мелодия, которая всю жизнь слышалась мне в часы душевного раздумья, когда мне было тяжело и тоскливо; она убаюкивала меня среди ночи и из дальних стран уносила на родину. Чужеземцу не понять, не почувствовать, чем была на протяжении столетий эта песня для заброшенных на чужбину «питомцев Древа», для бездомных скитальцев, тоскующих в стране, где не услышишь родного слова, не встретишь родных обычаев. Песня эта нехитра; вы, быть может, найдете ее жалкой, но не забывайте, чем была она для нас и какие образы прошлого она воскрешала перед нами, тогда и вы ее оцените. И вы тогда поймете, почему слезы навертывались у нас на глазах, затуманивая взор, и почему у нас голос прерывался, когда мы доходили до последних строк:

И если мы, в чужих краях,
Будем звать тебя с мольбой,
С словами скорби на устах, —
То осениты нас собой!

Не забудьте, что Жанна д'Арк, когда была ребенком, пела вместе с нами эту песню вокруг Древа и всегда любила ее. А это освящает песню; да, вы с этим согласитесь.

L'ARBRE FEE DE BOURLEMONT

Детская песня